

Арнелия Волховских

ЖИЗНЬ СРЕДИ СМЕРТИ

хроники одного года

Мисец Листопад

первая часть

Арнелия Волховских

Жизнь среди Смерти.

Хроники одного года. Часть 1

<https://litres.ru/74574498>

SelfPub; 2026

Аннотация

Октябрь 2079 года. Русское Поморье. Пять лет назад Мир раскололся на жизнь под чародейным Куполом и братскую могилу. Кася Мезенцева, дочь астрофизиков и внука северных славянских Ведарей, мечтает о чародейной медицине, но учится пока в медуниверситете. На её пути к цели не только мама-скептик, но и неожиданное вмешательство тех, кто устроил ядерный погром на Земле ради своих корыстных целей. Силам Мирового Хаоса противостоят Силы Мирового Порядка. Властитель Междумирья готов на всё, чтобы вернуть пространство, захваченное когда-то Богом Родом и превращённое в упорядоченную и благодатную Родину. Кася со своими друзьями и родными — в самой гуще этого поединка. Противник коварен и беспощаден. Но люди опираются на северные славянские традиции, соединяющие их с Родными Богами и Предками. А Сила Богов безгранична. Только сумеют ли герои правильно распорядиться своим преимуществом?

Содержание

Книга первая	5
Часть первая	6
От автора	7
Пролог	10
Глава 1. Скатерть бела весь свет одела	28
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Арнелия Волховских
Жизнь среди
Смерти. Хроники
одного года. Часть 1

Книга первая

Мисяц Листопад, Лета 7587 от Сотворения Мiра (октябрь 2079)

Часть первая

Радости первого снега в стране белоглазой чуди

От автора

Они приходили всегда вчетвером. Чёрные плащи, припо-рошённые пылью Иномірных дорог, скрывали их фигуры от макушек до пят. Они никогда не называли своих имён. Я никогда не видела их лиц. Но всегда ощущала то ни с чем не сравнимое тепло и родство, которое бывает только между близкими людьми. То, что невозможно подделать. То, что не могут имитировать низшие. Любовь.

— Напиши, — говорили они.

— Но почему я?

— Вас мало, и нам не из кого выбирать, — отвечали они, будто оправдываясь.

— Мои знания не так уж обширны, чтобы писать, — возражала я.

— Это не важно. Напиши, чтобы зажечь других.

— Зачем?

— Чтобы вас стало много.

— Зачем?!

— Чтобы вы могли выжить.

Это был аргумент. Я обдумывала его почти два года. А они приходили и терпеливо ждали.

Напиши!

В декабре 2023-го я сдалась.

История, зародившаяся за время раздумий, внешне вы-

шла о молодых людях. Об их повседневности в непростых условиях жизни, дружбе, любви, семье и приключениях. И о чародействе, которое занимает у каждого своё место в жизни, но со временем становится жизненной потребностью.

А на самом деле эта история о кологодных славянских праздниках. О той скрытой от большинства из вас мощной системе взаимодействия с вашими предками, которая наделяет любого безграничными возможностями. Потому что Боги Родные нам, своим потомкам, завещали: быть счастливыми, богатыми, здоровыми и сильными чародейно.

Вы спросите: «Если Боги — значит, это про религию?» И я отвечу словами северной славянской Ведары Ольги Бояновой: «Вера в Родных Богов — не религия, а квинтэссенция народного опыта».

И вот мои герои протягивают вам руки — берите! Пользуйтесь. Опыт — это бесценно.

А я поведу вас от месяца к месяцу и от праздника к празднику. Дам заговорные слова и чары, сохранившиеся на Русском Севере со стародавних времён. Раскрою потаённый, наполненный глубокой целесообразностью смысл каждого действия и всей системы в целом.

Вы прикоснётесь к красоте, мудрости и силе наследия ваших пращуров — тех, кто в Яви, как и вы, жили, верви родов до вас длили. Кому вы обязаны вашим рождением. И кто взирает на вас, своих потомков, с любовью и заботой. Вот вам и моя рука. Идёмте!

Пролог

Источника света не было. Лучи сочились отовсюду — ровно и скупое. Серые камни, серая пыль, неподвижный серый воздух. Вытянутую руку ещё можно разглядеть. Но в десяти шагах — только серый туман. Белая Навь на поверку выглядела не такой уж и белой.

Анум сидел на краю обрыва, опираясь спиной на отвесный утёс и крепко обхватив колени, прижатые к груди. Здесь марево рассеивалось. Впереди и внизу простиралась бездна. В её глубокой, завораживающей черноте мигали яркие горошины звёзд. Они сливались посередине в сплошное мерцающее облако. Вальяжно плыли на его фоне тусклые диски далёких планет.

Между ними блистательными росчерками проносились залётные гости — кометы: неприметные булыжники, что летят на окраинах дальних Миров вокруг загадочных, неразличимых отсюда дальних звёзд.

Обычная пыль, пленённая этими камнями, неслась с ними сквозь бесконечное пространство. И в тот краткий миг, когда свет очередной звезды отражался от пылинок, они превращали своих тюремщиков в восхитительные световые кинжалы, рассекающие плоть бездны.

Ближе всех к Ануму медленно поворачивалась тёмно-фиолетовая глыба, окружённая уродливыми астероидами и

обожжёнными обломками, сплавленными в бесформенные груды. Чёрные пятна мёртвых материков и белёсые разводы атмосферного пара покрывали её поверхность.

Эта махина загоразживала собой и крошечный спутник, и своё светило. Поэтому с правого края она была обведена бледно-коричневым отсветом, а с левого сияла ярко-голубым. Оттуда, из-под голубого ободка атмосферы, в который раз выползало странное пятно неровной формы, пульсирующее всеми оттенками изумруда. И Анум, всматриваясь в эту непонятную зелень, в который раз ломал голову: что бы это могло быть?

Лес в некой аномальной зоне? После катастрофы на планете царили ночь и холод, пока она летала два долгих цикла вокруг своей звезды. Да когда и как бы он вырос, этот лес?!

Вокруг всё чёрным-черно... Значит, в других местах природа пока не пришла в себя. Тогда что? Может, гигантская плесень, развившаяся на органических останках в условиях ядерной аномалии? Или пары каких-то газов?

— Что же ты за дрянь такая, а? — Анум хмурил густые, вздрлёт смоляные брови и ещё крепче сжимал колени.

Сегодня он выглядел как восточный принц, возможно, даже арабский. Он видел таких на этой планете с зелёной блямбой и решил, что арабский принц — это роскошно. И загадочно. Загадочность ему сейчас не повредит. Правда, все эти принцы носили белые балахоны и какие-то платки на голове. Загадочно? Очень может быть. Но не роскошно.

Если уж трансформироваться, то так, чтобы это вскружило его подружке голову с первого взгляда. Поэтому он выбрал, конечно, личину принца со смуглым костистым лицом, украшенным аккуратно подбритой вычурной бородкой.

Но одет был на свой манер: в тёмно-лиловую гляцевую кожу, что изумительно обтягивала эту атлетически сложенную фигуру и открывала загорелую мускулистую шею. Не зря Анул так придирчиво подбирал и основу, и её облачение. Ему хотелось шика, но и свой природный облик подчеркнуть хотелось тоже.

Волосы Анул сочинил себе чёрные, густые, зачёсанные волной над узким высоким лбом и спадавшие сзади на плечи. Эффектно! И незачем прятать под разное всякое.

— Анул, сын Анукены, ты ли это? — раздалось змеиным шипением откуда-то сверху. И за шиворот ему посыпались мелкие камешки.

Он поднял голову. На крошечном уступе в сером мареве отдельно друг от друга двигались кисти рук, смеющееся лицо с тёмными чуть раскосыми глазами и босые ступни на цыпочках.

— Шиори! Ну наконец-то! — Анул вскочил и осторожно переступил, чтобы лучше видеть, что происходит наверху.

— Так это романтическое свидание? Далеко же ты забрался, друг мой, чтобы удивить меня.

— Свидание? Разве так я назвал нашу встречу?

— Ах, не свидание? Тогда к чему этот маскарад? — Руч-

ка Шиори, отдельная от неразличимого тела, потянулась к нежной щёчке и легонько потрясла её.

— Это обличье тех, кто тут обычно шныряет. Зачем нам выделяться?

— Значит, танцев не будет? — рассмеялось личико. — И зря я выбрала тельце с длинными ножками и тонкой талией!

— Танцы? Я не думал, что ты танцуешь.

— А-ха-а-а-а... ты не думал! Да-да! Я поняла, — не уни-малась Шиори. — Вот прикид себе придумать сообразил. Во что это ты вырядился, кстати?

— Это? Это кожа зюмнора. А что?

— Нечестивые хюртры! Да ты ещё и в контрабанде! Кто же тебя снабжает такими вещами?

— Слушай, хватит! Какая ещё контрабанда? Зюмноров разводят в нашем семейном...

— Да ладно тебе! Всё понятно. Лови меня, красавчик!

Босые ножки подпрыгнули, обвалив очередную порцию мусора. И вся разрозненная конструкция спланировала вниз, прямо в протянутые руки Анума.

Вблизи стало ясно, в чём секрет такой дискретности. На Шиори был бледно-серый костюм с длинными узкими рукавами, капюшоном и тонкими шароварами. Он скрывал под матовой тканью её тело от шеи до щиколоток и запястий.

— Ты выбрала восхитительный образ. — Анум стянул с головы Шиори капюшон и пригладил рассыпавшиеся фиолетовые пряди подруги. — И я рад, что ты пришла.

— А уж как я рада! — отстранилась она от ласки. — Странное местечко, не находишь? Меня по дороге раза три чуть не сцапали эти... как их? Павьи? Мавьи?

— Навьи.

— Да, вот эти... гадость мерзкая, лысая, в бородавках, струпьях и чешуе.

— Ну, не сцапали же? Перехитрила их?

— И ещё встретила по пути каких-то придурков на жутких скотинах, — продолжила Шиори, не слушая и брезгливо морща прямой носик с еле заметной горбинкой. — А главный у них с такой зверской рожей, ты бы видел! В железе, громыхает, скрежещет. На голове ведро! Из-под него клок седых волос по ветру. А в руках длинная палка с острой железякой, словно большой серп. У-у-у-у!

— А они тебя заметили?

— Да какое там! Как выскочили, как промчались мимо — фьить! — Шиори махнула рукой, показывая, куда умчались стражники на лошадях, и набрала в грудь воздуха для новой тирады.

Но Анум остановил её болтовню, крепко схватив за затылок одной рукой и закрыв ей рот ладонью другой. Шиори помотала головой, возмущённо округлив глаза. Но от ладони на губах не избавилась и покорно сникла.

— Хватит! Я позвал тебя показать кое-что, — сказал он, убедившись, что одержал победу над словесным потоком подруги.

— Интересненько. — Шиори устроилась на краешке и беззаботно свесила ноги с обрыва. — Что там?

— Там планета, которую мне поручил твой отец.

Анум сел позади, для безопасности обхватив ногами её стройные бёдра и на всякий случай обняв за талию. Он знал, какой непоседой она порой бывает. Ловить её, пересекая границы внутренних Миров, в его планы совсем не входило.

— Ах да! Поди туда — не знаю куда, и сделай то — не знаю что. И исправь всё, что напортачил мой братец. — Шиори закинула голову ему на плечо и рассмеялась, показывая мелкие белые зубки.

— Ну... в общем и целом, да.

— И чтобы красиво и быстро. Очень похоже на папашу.

— Если ты помнишь, я сам вызвался.

— Помню-помню. Льюда.

— Аборигены зовут её смешно — Земля.

— Зем-ля-ля-ля... Вот так имечко! Хозяйство дядюшки Вышня?

— Не Вышня, а одного из его сыночков.

— Да не важно! Так ты её заполучил уже. Нет?

— Если бы! Тут задачка похитрее. Вон, смотри. — Анум указал на планету, где зелёное пятно уже уползало за коричневую кромку, будто ехидно подмигивая им напоследок.

— Это и есть Льюда?

— Угу.

— Забавная планетка. И в чём хитрая хитрость? — Ши-

ори с любопытством рассматривала пространство, открывающееся под её легкомысленно болтающимися ногами.

— Видишь зелёное пятно? Вон там, на самом краю справа.

— Да. Что это?

— Если бы я знал!

— Исчерпывающе, — фыркнула Шиори. — А что ты знаешь?

— Ещё недавно ничего этого не было, — грустно вздохнул Анум. — Оно то зелёное, то жёлтое, но в основном белое с зелёным и... знаешь, периодически растёт. Вот смотри!

Он провёл ладонью справа налево, и серый воздух потянулся за его пальцами, где-то сгущаясь в чёрные тонкие полосы, а где-то становясь прозрачным. Пелена, струившаяся за пальцами, на мгновение скрыла всё, что было дальше ладони: чёрную бездну, звёзды и эту ненавистную планету с её непонятками.

Когда Анум сжал серую полосатость в кулаке, перед ними открылось то же пульсирующее и дышащее пространство, но заметно изменившееся. Будто чья-то невидимая рука взяла разноцветные мячики планет и переставила их с места на место.

Слева от Люды теперь виднелись её карлик-спутник и приличный кусок той звезды, вокруг которой она летала. В её лучах один бок планеты стал похож на глиняный горшок, расписанный синим и чёрным. На ней то там, то тут были

видны яркие вспышки.

Время от времени проплывали большие рваные тучи, подсвеченные белыми и красными всполохами. Над ними, оставляя жёлтые и ослепительно-белые следы, носились навстречу друг другу едва различимые предметы.

— Это день катастрофы, — тихо сказал Анум.

— Ничего себе!

— Да, себе ничего. Всё нам, — усмехнулся Анум.

— Старая шутка, — осадила его Шиори. — Лучше скажи, что это летает туда-сюда?

— Ракеты. Ядерная бомбардировка.

Несколько минут она внимательно наблюдала за происходящим на Льюде.

— Так там никто не выжил, что ли? — увидев, как вспышки сливаются и превращаются в сплошной огненный ковёр, спросила Шиори.

— Ой, ну ты скажешь! — фыркнул Анум. — Я же не такой идиот, чтобы сначала всех угробить, а потом из-за этого летучего склепа бодаться с бесчисленными отпрысками Вышня.

— Значит, там всё же кто-то остался?

— Только наши креатуры и немного...

— Креа... кто?

— Те, кто за меня.

— Ты их что, сделал бессмертными? Законсервировал?

— Слишком много чести, — надменно повёл плечом

Анум. — Они вырыли себе глубокие норы. Натаскали туда всякой всячины. И могут жить теперь, пока мы им не позволим выйти наружу.

— А-а-а... Разумно. А остальные? Те, кто не за тебя?

— Некоторые должны были исчезнуть.

— В смысле, сдохнуть?

— Ну да.

— А другие?

— Их долго обрабатывали для... — Анум потерял переносицу, ища слова подоступнее, но не нашёл, — для устойчивости к этому всему. В общем, они должны были выжить.

— Обрабатывали? Это как? Сделали негорючими? — тонкие брови Шиори удивлённо взлетели.

— Да нет, что ты! Они остались биологическими, и многие сгорели. Но те, кто нашёл, где спрятаться, были уже приспособлены к новым условиям.

— Как всё сложно! Как можно было приспособить этих уязвимых тварей к жизни в таком пекле?

— Вводили им в кровь некоторые... э-э-э... м-м-м... вещества. Тем, кто после этого выжил...

— О-о-о! Так и тут были потери?

— Да, слабые экземпляры погибли. Некоторым вообще не смогли ничего ввести. Но всех оставшихся потом дополнительно обрабатывали, распыляя специальные... определённые... э-э-э... дополнительные вещества...

— Это как? Одни ходили и пшикали другим в морду?

— Нет, зачем? — рассмеялся Анум, живо представив эту картину. — У них есть примитивные летательные аппараты. Вот с них.

— Сколько хлопот для выживания...

— Разные были цели. Для этих букашек, людюв, распыляли ещё смеси, чтобы управлять их поведением. И лишних выбраковывали.

— Надо понимать, тех, кто не очень управлялся, — засмеялась Шиори.

— Ты проницательна, как всегда, — с нежностью произнёс Анум, прижимая подружку покрепче.

— Ах, оставь это всё, — нетерпеливо дёрнула плечом она. — Лучше скажи, как тебе удалось уболтать людюв на такое безумие?

— Для начала я за несколько поколений понизил им уровень интеллекта. Знаешь, когда всё можно получить без малейших усилий. И уж втереть программу под разными благовидными предложениями было проще простого.

— Это какими?

— Ну... если коротко, то для торгашей — о дополнительных барышах, для элиты — об исключительном положении, для плебса — забота о здоровье... о климате...

— О климате? Ух ты! Красивое враньё!

— Какое враньё?! Мы им и климат меняли.

— Ловко, — Шиори одобрительно похлопала Анума по коленке. — Одного не пойму. Тебе удалось купить одних. А

других запрограммировать на послушание. Зачем тогда понадобилась эта заварушка? А главное, что после неё с твоими планами по мирной сдаче планеты?

— Это же люды! — презрительно скривился Анум, оттопырив губу и сморщив нос. — У них всегда находились те, кто блял собственные песни.

— Поэтично, — усмехнулась Шиори. — А конкретика будет?

— Какую конкретику ты хочешь? Что среди нормальных персонажей у них катастрофически много слишком независимых и догадливых? — возмущённо вскинулся Анум, вспомнив, как его простой, почти идеальный план рухнул по совершенно абсурдным причинам. — Или что есть целое государство, кстати, с самой большой территорией, которое вообще со всеми не в ногу?

— Ничего не поняла! Какие ноги? Какая территория?

— Та, где эта поганая зелень и плодится! Я же объясняю: самая большая по территории страна вместо того, чтобы выбрать удобный способ самоубиться, начала подбивать жителей на взрывное размножение. А остальные страны — склонять к объединению против тех, кто мне уже покорился.

— Не подействовали твои опрыскивания?

— Сначала они повелись. Но потом резко отказались. Справедливой жизни им захотелось! Хотя у меня среди них было полно агентов влияния. А толку? Они вспомнили про честь и совесть! Я эту стародавнюю ересь замучался выво-

дить!

— Ещё скажи, что моя семья во всём виновата, — обиделась Шиори, восприняв раздражение Анума на свой счёт.

— А кто же ещё? — Анум подобрал первый попавшийся камень и зло швырнул его в бездну. — Это вообще фишка твоего семейства: сначала наворотить дел, бросить на полпути и искать, кто за вас разгребёт.

— Ладно-ладно, признаю, наши мальчики заигрались на этой планете в солдатиков, — сбавила тон Шиори.

Она вовсе не собиралась ссориться с потенциальным женихом из-за вечных афер своих родственников. В конце концов, в её интересах было помочь Ануму с этой проблемой, а не отстаивать честь братцев-придурков.

На обрыве на некоторое время воцарилась тишина.

— Послушай, — не выдержала первой Шиори, — я даже готова признать, что без войны тут уже было не обойтись. И ты сделал всё, что только можно. Ну? Мир?

— Мир, — недоверчиво покосился на подружку Анум.

— Тогда объясни мне, — вкрадчиво проворковала Шиори, — как ты планировал, чтобы выжили те, кто не попал в норы? Ведь в случае конфликта они надолго остаются без ресурсов, верно?

— А мы посадили их на специальный корм, чтобы после всего этого, — Анум ткнул длинным сиреневым ногтем в огненный вихрь на планете, — уцелевшие на поверхности могли прокормиться самостоятельно.

— Ого! Как всё продумано! А что за корм?

— Их учёные выяснили, что после ядерной бомбардировки среди биологических существ выживут некоторые насекомые.

— И ты заранее приучил людов питаться ими? — догадалась Шиори.

— Ну да. Я до последнего пытался удерживать под контролем тамошние процессы. Но когда против моих стран создали куда более мощный союз, то...

— Ты решил так поквитаться с непокорными?

— Поквитаться! Скорее защититься. Но эту бойню развязали только после того, как у моих подопечных всё было готово: норы, население, сменившее рацион и перенесшее несколько мутаций... Всё должно было сработать.

— Это ты, что ли, всё так хитро придумал? — Шиори оторвала взгляд от Люды и с восхищением посмотрела на Ану-ма.

— Я поставил им конечную цель, а они уже сами разработали детали, — самодовольно раздул ноздри Ану-м.

— Им?

— Элитам.

— Похоже, не очень-то они разработали, раз у тебя проблемы, — хмыкнула Шиори и разочарованно отвернулась к бездне.

— Всего не предусмотреть!

— Послушай, а зачем было мудрить с теми, кто остался

без нор? Пусть бы погибли.

— А кто будет восстанавливать всё, когда планета придёт в норму? В норах спрятались избранные и минимальная обслуга. Когда они выйдут, им понадобятся рабы для тяжёлых работ.

— Избранные — это учёные?

— Нет, это собственники ресурсов. Тупые, как пробки! — Анум рассмеялся, вспоминая, как ловко поймал эту публику на посулы и подачки. — И жадные. С ними всё элементарно.

— Но сами они ничего не могут, — догадалась Шиори.
— Ясно.

— Кроме того, мне нужна массовка, которая решит мне всё сдать.

— Понимаю. Одно дело — кучка балбесов, и совсем другое — всё сохранившееся население.

— Да. Формальности никто не отменял.

— А сколько ты планировал оставить этого населения?

— Миллионов пятьдесят, сто максимум. После последних мутаций они в большинстве своём не размножаются, кроме парочки миллионов самых-самых высокопоставленных. Их потомков я бы потом тихо зачистил каким-нибудь катаклизмом.

— А сколько их тут было до бомб?

— Около девяти миллиардов.

— Масштабно.

— В смысле?

— Зачистка, говорю, впечатляет размахом.

— Да только, похоже, что-то пошло не так.

— Откуда паника? Из-за зелёной плесени? Да мало ли что там после взрывов смешалось и позеленело. Пары солей меди или хрома, например.

— Меди? Хрома? Знаешь, а это забавно: на Льюде эти металлы тоже так называют.

— Забавно? Вспомни, кто у них монополизировал металлургию с алхимией.

— Ты думаешь...

— Я не думаю, я знаю. Они похвалялись этим, я сама слышала.

— Твои братья наворотили дел...

— Да уж. Но, похоже, у тебя тоже успехи не очень.

— Не очень — это мягко сказано! И на «смешалось» не похоже. Вот... смотри. — Анум снова провёл ладонью, но коротко и в обратном направлении.

Рассеявшаяся полосатая пелена обнажила картину: планета немного сместилась влево и заметно приблизилась. Теперь её спутник висел прямо под ногами. Казалось, что с их обрыва можно запросто на него перепрыгнуть.

— Видишь? Там, ближе к полюсу? — указал пальцем Анум.

— Да, какое-то мутное пятнышко.

— Это через два цикла после катастрофы. А вот это, — Анум снова провёл ладонью перед собой, — смотри! Через

четыре.

— Ага, вижу. Гораздо больше. И уже жёлтое.

— То-то! А сейчас — ты видела? Оно занимает примерно двадцатую часть всей суши и, кажется, выползло кое-где на моря.

— И всё время растёт?

— Да нет... — Анум снова нервно потеревил переносицу.

— Оно растёт как-то рывками. Нет-нет, а потом — бах! И новый большой кусок.

— Есть какая-то закономерность между «нет-нет» и «бах»?

— Закономерность? Да вроде не заметил.

— А на самой Льюде как это выглядит?

— Говорят, как силовое поле. С одной стороны пустырь в тумане, с другой — тоже. Но не пройти... и не облететь.

— Даже тебе?

— Никому... — вздохнул Анум.

— Интересненько... А сам ты там был?

— А зачем?

— А зачем вообще смотреть всё своими глазами?

— Хочешь, свожу тебя на экскурсию? — зло хохотнул Анум. — Там как раз заждались таких, как мы.

— Пф-ф-ф! К чему мне твоя экскурсия? — парировала Шиори, будто не заметив яда в его словах. — Тут уже не смотреть надо. А кардинальное решать. Сколько времени тебе дал мой отец?

— Двести семьдесят пять циклов Льюды вокруг её звезды.

— И сколько осталось?

— Девятнадцать...

— Значит, времени мало.

— Поэтому я и хотел тебе показать...

— Да понятно! — отмахнулась Шиори. — Надо придумать, как побыстрее разузнать, что там за этим... как ты называл? Силовым полем? Может, пустяки.

— А может, какая-то аномалия, которая сорвёт все мои планы... наши планы...

— Да-а-а... отец тебе этого не простит... — задумчиво сказала Шиори и потянулась, закинув руки за его голову. — Тогда плакала моя свобода.

— Думаешь, не отдаст тебя мне? — проворковал Анум, потираясь бородатой щекой о её обнажившуюся руку.

— Анум, не строй из себя дурачка! Конечно, не отдаст. Он же ясно сказал: я достанусь в жёны тому, кто вернёт это пространство в юрисдикцию Хаоса.

— Да помню я, помню! Что делать будем?

— Пока что выбираться отсюда.

Шиори решительно высвободилась из объятий Анума и, опираясь на его плечи, поднялась.

— Пойдём! Будем думать, — жёстко сказала она.

Анум поднялся вслед за ней.

— Что-то ты раскомандовалась, — проворчал он. — Я ведь могу и передумать жениться на такой зазнайке. Тогда

гори оно всё синим пламенем вместе со своими зелёными
блямбами.

Глава 1. Скатерть бела весь свет одела

Первого дня Мисяца Листопада

Седмица - Последний день недели

Покровитель дня – Бог Дажьбог

Управитель части года – Бог Белобог

Управитель Подсолнечным Міром – Бог Авсень

Управительница Подлунным Міром - Богиня Макошь

Мисяц - молодой

Обряды: для обретения личного и семейного счастья, на денежное благополучие, на любовь и красу, на здоровье, на исполнение чаяния в получении чего-то важного

Приметы дня: Какая погода простоит в этот день — такая же будет 1 апреля. Если листья на берёзе ещё не опали, то зима будет поздняя.

Рутина дня: начинают запасать на зиму шиповник.
День для добрых дел и помощи нуждающимся

Кася проснулась от настойчивого аромата, доносящегося из кухни, и яркого света. Наглый ослепительно-белый луч пробился между полотнищами занавесок и решил упредить радиоточку, которая спозаранку начинала свою жизнь клас-

сической музыкой. Пахло, скорее всего, блинчиками. Или оладушками. Или, на худой конец, гренками.

Соскочить с кровати ногами на оленью шкуру, пробежать босыми ступнями по вощёным доскам пола до противоположной стены и раздёрнуть занавески на окне — дело одной секунды. Р-р-раз! Вот это да!

За окном — картина маслом! Вернее, акварелью. Солнце лениво всплывает из-за дальних угоров на задумчиво-голубой небосвод. Оно, припудренное лёгкой утренней дымкой, ровно и нежно заливает розовым светом искрящуюся роскошь снега и инея.

А ведь только вчера земля двора — чёрная, в бурых пятнах пожухлой травы, набухшая водой — наводила беспросветную тоску. Зато теперь всё белоснежно, торжественно и недвижно. Будто декорация в волшебном театре.

Так и хочется распахнуть окно и очутиться в сказке, где сцену от туманной, таинственной перспективы отделяет заиндевевшая, будто замшевая изгородь, а ёлка обнимает плюшевыми лапами летнюю кухню, превратившуюся за ночь в волшебную пряничную избушку, обсыпанную искристой сахарной пудрой.

Толстая, мокрая ветка старой берёзы, которая с вечера тревожно билась и скреблась костлявой ладонью в стекло, за ночь обросла короткой искристой шёрсткой. Сквозь неё трогательно просвечивает коричневая кожа молодых веточек. Безвольно повисшие кисти чуть подрагивают, будто зовут

полюбоваться игрой розовых и сиреневых отцветов своей нарядной шубки.

Кася взвизгнула от восторга, напрочь забыв, что она давно не маленькая девочка, а уже целый месяц студентка медицинского университета. И, как была — в ночной рубашке, босиком, с выбившимися из косы каштановыми прядями-пружинками, — слетела по лестнице с мансарды в прихожую. А оттуда, звонко шлёпая по деревянному вощённому полу, побежала в кухню.

В столовой, правда, ей пришлось немного притормозить. В углу между фасадной стеной и «мужской лавкой» — Красный Кут. Это душа дома: три угловые полочки одна над другой, на которых строго по местам своего владычества обитают Кумиры Богов. На нижней, самой широкой, сразу за маленькой масляной лампой и продолговатой тарелочкой-дароносицей со свежим блином — Бог Род и Боги Прави. На средней — Боги Яви. А на самой верхней — Боги Нави. Под Кутом, на деревянном кругляше, стоит сноп овсяных колосьев, перевязанный широкой красной лентой.

Пройти и не поприветствовать Богов — невежливо. Кася старательно успокоила дыхание и пригладила волосы.

— *Боги мои Родные!* — Она протянула к Кумирам руки и почувствовала лёгкое покалывание в ладонях. — *Похвалу несу вам и прошу благословения: прожить этот день по Прави во благо себе, своему роду и всему Мíру. Да будет так!*

Кася хлопнула в ладоши над головой. Всё это, конечно, не

по правилам. Но Боги, как никто, поймут! Какие могут быть правила, когда за окном такая красота? И хочется поскорее поделиться восторгом со всем светом! А в первую очередь — с бабушкой, которая обязательно оценит всю тонкость и изящество пейзажа за окном.

— Ба, ба! Ты видела?!

Ирина Пална — так звали бабушку Каси — стояла возле печи. Она подняла на внучку тёмно-васильковые глаза и улыбнулась. По её доброму лицу разбежались чуть приметные смешливые морщинки. Стремительным движением разогнав по дну сковородки жидкое тесто, Ирина Пална пристроила её в печь.

Кася разом охватила аппетитную картину утренней кухни. Угли бросали жаркие отсветы из раскрытого устья. Вторая сковорода с уже румяным блином шкворчала на трёхногой подставке на загнётке. Рядом, на шестке, мостились большая тарелка с готовыми блинами и глиняная маслénка.

— С добрым утром, моя радость! Как спалось тебе, почивалось? — не отрываясь от священнодействия над сковородками, проворковала бабушка.

— Хорошо, ба! С добрым утром!

Кася глянула в кастрюльку с тестом, потянула носом и зажмурилась от удовольствия.

— М-м-м-м... Алабашники?

— Они самые, — с нежностью разглядывая розовое со сна радостное лицо внучки, подтвердила бабушка.

Эти блинчики на опаре из ржаной муки, с дымком и непередаваемым привкусом, который бывает у любой еды из печи, Кася обожала больше всех лакомств на свете. Но такое водилось только у бабушки с дедом.

Её родители разжигали иногда печного монстра для обогрева в безветренные дни ради экономии заряда аккумулятора. Мать Каси предпочитала электроплиту и микроволновку. Сама Кася — старенький, но ещё исправный молекулярный синтезатор. Хотя родители и говорили, что он не для еды. Но это они не пробовали волованы с грибами и курицей — чем бы эти штуки ни были с химической точки зрения. А папа вообще не касался готовки. И в случае чего его кулинарные фантазии осуществлял робот-компаньон, доставшийся родителям по случаю.

— Соскучилась по домашненькому?

— Очень, ба! — Кася зачерпнула пальцем тесто со стенки кастрюли и шустро засунула его в рот. Сырое! Кто ж этого не любит, если украдкой и понемножку?

Ирина Пална со смехом покачала головой. Мол, всё вижу: большая девочка, а ведёшь себя как маленькая.

— Чего ни свет ни заря прискакала, босоножка? — Пристроив очередную сковородку на таганок, бабушка приобняла Касю тёплой рукой и поцеловала её в кудрявый висок.

Кася в ответ звонко чмокнула бабушку в щёку и вдохнула её родной уютный запах. Ей сделалось необыкновенно хорошо и спокойно, как всегда бывало в этом доме.

— Снег выпал. Ты видела?

— Да что ты? — притворно удивилась бабушка. — Уже?

— Такая красота!

— погоди, сейчас отодвину сковородки от огня подальше, и пойдём смотреть.

Бабушка ловко сместила таганки с углей на камень загнётки.

— Теперь не стоят, — себе под нос сказала она и подошла к окну, где Кася уже раздвинула занавески во всю ширь.

— Да-а-а-а... Красота... Через сорок дней ляжет постоянный снег, примерно числу к десятому Грудень-месяца, — прикинула бабушка. — Рано в этом году.

— А я о чём? Я как увидела, так обалдела!

— Фи, Кася! Что за «обалдела»?

— Ну, восхитилась.

— Вот так-то лучше. Чувствуешь разницу? — Бабушка любовно оглядела смеющееся лицо внучки, усыпанное задорными конопушками.

— Ба, ну я же просто так. — Кася обвила руками бабушкину шею и заглянула ей в лицо. Нет, бабушка не сердилась: в её глазах скакали озорные огоньки.

— Просто так — это для тех, кто просто так, — стараюсь быть серьёзной, продолжила бабушка. — А со словами в нашем семействе, сама знаешь, играть чревато. Ты же помнишь, чья ты внуцка, да?

— Помню-помню, конечно. Как такое забудешь?

— Вот и славно. — Бабушка ласково провела по Касиным волосам крепкой ладонью. — Иди одеваться, будем завтракать. Мы вдвоём сегодня.

— А дед?

— Обещался к обеду, — возвращаясь к печи, через плечо бросила бабушка.

Дед Святослав Алексаныч, как его уважительно звали в деревне, обычно уходил в лес ещё затемно. Здоровкаться с зорей, как он говорил. Чаще всего он возвращался уже к завтраку. Но порой и к обеду, это смотря какой день.

Кася по пути к своей светёлке завернула в дедову библиотеку и заглянула в его рабочий календарь, висевший возле застеклённой в прямую решётку двери. Там скупо стояло:

1 Листопада, Молод Мисец

Обретение л. и с. счастья, деньги, люб. и здор., исп. ч. Обереги! Зах. Кашин, 11.30, Горлышевская.

Получалось, дед после Капища, на котором он здоровкался с зорей, отправится к какому-то Страждущему Захару Кашину в соседнее село. И поэтому вернётся только к обеду. А если больше никто к ним не явится с какой-нибудь неотложной надобностью, то остаток дня он проведёт дома.

Значит, можно будет сразиться в шахматы и поболтать. А заодно аккуратно выведать то, что занимало Касю последнее время: возьмут ли её дед с бабушкой в обучение чародейству сейчас, до её полного совершеннолетия, пока ей ещё нужно согласие родителей.

Она даже ради этого разговора выпросилась сюда на три дня раньше официального праздника проводов Водяного и Лешего. Терять почти два года до наступления двадцать первого дня рождения — ужасно обидно.

Только мама ни за что не согласится — Кася это отлично знала. Она и в этот-то раз отпустила дочь в деревню со скрипом. Касе пришлось её два дня уговаривать и улещивать, пока та, наконец, не сдалась под обещание вернуться в среду к началу занятий и вести себя паинькой.

Вся в мыслях о том, как бы половчее поговорить на эту болезненную для всех тему, она поднялась к себе. Из радиоточки бодро звучал поморский гимн. После него слышался позывной их местной сети. И густой дедов голос заговорил размеренно и плавно:

— Здраве и живе, мои дорогие! Нынче молод мисяц...

Кася ткнула кнопку на плоской коробочке радиоточки. Дед вчера записывал этот текст при ней, пока она сидела в его кабинете и изучала последние страницы обрядового календаря на этот год.

Кася приняла душ, старательно вычистила зубы, наскоро расчесала и заколола в шишку гриву выющихся, вечно путающихся волос. Оставалось последнее: решить, в чём спускаться к завтраку.

Из чемодана, который так и не был распакован со вчерашнего вечера, Кася достала свежую майку и длинные, просторные штаны. Повертев их туда-сюда, она поняла, что вещи од-

нозначно просят утюга. Бабушка в таком виде за стол не пустит — даже нечего и думать.

Вместо них она вытянула из середины чемодана трикотажное тёмно-синее платье. Только оно и выглядело более-менее прилично. В нём Кася отправилась завтракать, предвкушая утренний девичник с обожаемой бабулей. С ней тоже надо поговорить, но уже на другую тему.

Впереди маячил Покров. Подружки — и в городе, и здесь, в деревне — звали её на гадания. А после них предполагалось идти на «бесёду». Только в спартанско-деловом гардеробе Каси не было нарядов для народной гулянки. И она крепко надеялась на бабушкину помощь. Может, подскажет что. А может, и поделится чем-нибудь из своих запасов. Но не тут-то было!

В столовой за столом, уже накрытым свежей скатертью, сидел Касин отец.

— Папа? — удивилась Кася.

— Гостей спозаранку кормите? — вставая навстречу дочери, весело отозвался тот и раскрыл руки для объятий. — Ну здравствуй, Котенька! Не скучаешь тут с дедами?

— Ты откуда? — Кася повисла у отца на шее. — Ты один?

— Из дома, вестимо. Один, мама в городе.

— Останешься до завтра?

— Нет, Котенька, у меня срочное дело к деду. Вот дождусь и сразу назад. Завтра с утра рано вставать.

Кася разочарованно вздохнула. Её родители работали в

городской обсерватории и в последнее время часто пропадали там, так что она с ними почти не виделась.

— Ну хоть до вечера... Воскресенье же...

— Кася, не канючь! На праздник приедем сюда все вместе, с мамой, обещаю. Или давай со мной домой? А?

— Домой? Ну нет! Раз приехала на проводы, значит, останусь.

— А то без тебя Водяного с Лешим не ублажат, — потёрся папа носом о нос Каси, будто она маленькая девочка.

— Мне ж это важно, — проговорила Кася. — Ты знаешь.

Отец разнял руки дочери и вернулся за стол. Кася примостилась рядышком. Тут вошла бабушка с блюдом алабашников.

— Что ж, будем гостя потчевать и сами покушаем, — радостно сообщила она. — Давай, внуцка, покличь Егора с Кондратом к столу, пора помощникам сделать перерыв. Да возвращайся помогать на стол собирать. Не застревай там у нашего зверинца.

Кася выпорхнула из столовой, хлопнула дверью в прихожей.

— Я тоже помогу, — поднялся было отец.

— Не-не! Ты, Володя, гость, тебе положено отдыхать с дороги. Так что сиди.

Кася вернулась из сеней:

— Не нашла никого... — огорчённо сообщила она.

— Ну, значит, позже поедят, — ответила бабушка из кух-

ни.

Кася пошла к ней и тут же вернулась с вазочкой сметаны в одной руке и такой же вазочкой, но с вареньем, в другой.

— Икры не будет, — сказала она отцу. — Дядька Егор сказал, что в этом году лишнего не было, всё пустили в развод. А ту, что старые консервы, мы поели уже.

— Это хорошо, — ответил отец.

— Чего ж хорошего? — удивилась Кася, доставая из буфета десертные тарелочки и расставляя их по столу. — Ты с икрой любишь, я знаю.

— Значит, под Куполом, который прошлой зимой расширили по Северной Двине, уже достаточно почистили для мальков. Это-то и хорошо.

— Да-да, — подтвердила бабушка, опуская на стол селёдницу с кусочками трески, томлёной в сливках с луком. — Почистили. Всю весну они с дедом бились тут вместе. Только Ведарей было человек десять. И других рабочих — тьма!

— Да откуда ж столько набрали? Я слышал, что большую работу сделали, но чтобы ценой таких усилий...

— Так вот! Эксперимент был, как муж сказывал. Теперь везде будут так. Народ в кучу собирать и быстро восстанавливать.

— Вот как? — удивился папа. — Значит, собрал-таки Святослав Алексаныч артель, как и обещал... Ну дела...

— А как же! — Ирина Пална величаво повела плечом. — Даже с Таймыра один был. Белый, старый, но ещё такой бод-

рый. Знал бабушку Святослава Алексаныча, между прочим.

— Таймыр, значит, выжил?

— Говорят, частично, — вздохнула Ирина Пална. — Там же и наши Ведари живут, и шаманы. У них свои секреты.

— А у нас-то что ж в итоге?

— Ну что-что? Деактивировали, оживили, наладили всё. Сам, если хочешь, посмотри. Недалеко тут.

— И проходную стерлядь даже стали разводить, — подала голос Кася. — К следующему году обещали нам икры уже нашей, свежей, вместо этих столетних банок из Медвежье-горска.

— Оптимистичные обещания. Но я бы не стал рассчитывать.

— Отчего так? — удивилась Ирина Пална.

— Так к весне мы ещё больше расширимся, и потребуется ещё больше мальков и сеголеток. А те, которых сейчас вывели, к следующему году будут всего грамм по двадцать. Да и то только половина выживет.

— Печальная история, — огорчилась Ирина Пална. — Но мы доверимся тебе, как семейному рыбоводу.

— Да... давно это было, — смутился Владимир.

В семье знали: его родители с родственниками разводили осетров. И раков. Из-за этого рыбного бизнеса Касин папа лишился почти половины семьи в конкурентных разборках в пятидесятые.

— А дядька Егор говорит, у нас здесь с сёмгой пока никак не сладят, — поспешила замять неловкость Кася.

— Это правда, сёмужка то болеет в нашем питомнике, то и вовсе мрёт, — поддержала внучку бабушка. — Никак к ней ключик не подберут. И ведарям пока не до рыбы.

— Дело наживное, — уверенно ответил отец, макая алабашек в сметану и озорно подмигивая дочери. — Наладим нашу жизнь, Котька, нала-а-адим. Ещё и жемчуга пойдут по мелким нашим речушкам, как, говорят, до плотин и бумажных комбинатов водилось.

Какое-то время за столом было слышно только позвякивание посуды, довольное причмокивание да похвала алабашам и бабушкиному мастерству. Наконец все наелись и напились чаю с вареньем.

— Вот тут в самый раз был бы домашний робот, — мечтательно сказал Владимир, потягиваясь и закидывая крепкие жилистые руки за голову.

— Ты ж знаешь, Володя, дед не любит эти железки во дому, — сказала Ирина Пална.

Она была бы не против, но муж на дух не переносил электронику последних поколений. Так что даже стиральная машина у них была не самой новейшей из сохранившихся моделей.

— Дед говорит, вся такая техника обменивается сигналами и пытается что-то передать наружу, — вставила свои пять копеек в разговор взрослых Кася.

— Пытается, но не может, — парировал отец. — И не сможет, потому что Купол многократно дублируется и регулярно подновляется. Каким-то сплетникам-пылесосам и тостерам пробить такую конструкцию точно не под силу.

— А если снаружи кто-то пробьётся к ним?

— И это маловероятно.

— Ну а вдруг? Или те, кто выходит в рейды за Купол, вынесут с собой что-то такое?

— Что например? — рассмеялась бабушка. — Кухонный комбайн?

— Ой, ба! Скажешь тоже. Информацию же при желании можно и в телефоне спрятать.

— Полагаю, перед выходом спасатели проходят контроль тамошних Ведарей, — как-то уже не так жизнерадостно ответил папа.

— Ты уверен? — Кася многозначительно приподняла брови, почувствовав эту его слабинку. — Тогда что они такое собирают по нашим домам и передают друг дружке? Наш ФеФа, например? А может и мой мобильник! И главное — зачем?

— Давай лучше, ребёнок, посуду соберём, — отшутился отец. — И передадим её бабушкиной посудомойке.

— Не уводи тему, — обиделась Кася. — Я уже не маленькая.

— Не маленькая, конечно, — ласково вмешалась в разговор Ирина Пална. — Поэтому берём, как взрослые, тарел-

ки-чашки в руки и несём мыть.

С этими словами она встала и начала собирать в стопку грязную посуду. Кася подхватила блюдо с оставшимися алабашниками и скрылась в кухне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.